

Яницкий О. Н.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ОПЫТ ИНТЕГРАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором, Институт социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5.
E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru
Тел.: +7 (499) 128 86 76

Аннотация. На основе многолетних наблюдений автора за эволюцией организаций гражданского общества и, в частности, за динамикой студенческого природоохранного движения в СССР/России и созданными на его основе организациями и сетями исследуются основные черты и эволюция профессиональных гражданских организаций (ПГО) в переходном обществе (1960–2012 гг.). Опираясь на социально-философскую концепцию интегрализма П. Сорокина и его базовой триады – чувства, разум, интуиция, а также на работы российских социологов в сфере пост-классического обществоведения, исследуются основные характеристики этого движения на трёх уровнях: личностном, групповом и институциональном. Теоретико-методологические предпосылки анализа, принципы пост-классического подхода в современной социологии применительно к изучению общественных движений, описание когнитивной, духовной и поведенческой специфики полупрофессиональных гражданских организаций и движений, например, Движения студенческих дружин охраны природы, причины их достижений и провалов на пути институционализации, характеристика типа личности эоактивиста, его духовного мира, эмоций, круга общения и поведения, а также изучение ПГО как специфической формы производства социальной памяти общества – таковы основные темы статьи. Делается вывод о том, что в современных условиях для преодоления кризиса, противостояния внешним угрозам и связанных с ними социально-экологических проблем как теоретически, так и практически/политически необходимо гибкое сочетание действий макро-субъектов (государства, его союзников) и микро-субъектов ПГО (полупрофессиональных, мобильных хорошо экипированных групп).

Ключевые слова: личность, методология, мобильность, проблемный подход, полупрофессиональные гражданские организации, знание-действие, социальная память, студенты, Россия.

Альтруисты живут дольше, чем эгоисты
П. А. Сорокин

Постановка вопроса

В наш век глоболокальных процессов, возвратно-поступательных шагов человеческой истории, постоянно возникающих ситуаций «неопределённости» и непредсказуемости, парадигма «классической методологии» в социологиче-

ской теории и практической социальной политике, основанная на принципах монизма, фундаментализма, редукционизма, линейности, однозначности, себя исчерпала. Как писал ещё в 1958 г. П. Сорокин в своей программной работе «Моя философия – интегрализм», «истина, полученная с помощью интегрального использования всех трёх каналов познания – чувства, разума и интуиции – это более полная и более ценная истина, нежели та, которая получена через один из этих каналов. История человеческого знания – это кладбище, заполненное неправильными эмпирическими наблюдениями, неправильными рассуждениями и псевдо-интуициями» [Сорокин, 1992: 134]. Как отмечал Сорокин, эта связка особенно чётко проявляется в критических ситуациях [Сорокин, 2003]. На недостаточность рационального линейного подхода указывали российские обществоведы уже четверть века назад [Ильин, 1992]; данный факт подтверждается новейшими исследованиями как российских [Кравченко, 2009, 2012; Яницкий, 1994], так и зарубежных социологов [Beck, 1992, 1999; Castells, 2010] и других.

Представляется, что в новейшей российской социологии некоторые общие принципы постклассического подхода наиболее чётко сформулировал В. Ильин: «Парадигму постклассики питают альтернативные императивы – интегрализм, холизм, полифундаментальность, нестационарность, синергетизм». Человеческий социум – комплексное, разветвлённое образование, свхватываемое не частичной, а целостной дифференцированной картиной. Поэтому в социологии не должно быть места априорно первичным и вторичным структурам, здесь могут быть лишь целостные рассмотрения однопорядковых явлений. Поэтому с методологической точки зрения, содержательным основанием теории социологии «выступает не редукционизм, а холизм». И далее: «уместно исходить из того, что люди сами создают себе жизненную среду, безмятежную или взрывоопасную. И делают это под влиянием как базисных, так и надстроечных причин. Ментально-идеологически инспирированные идеи, накладываясь на людские страсти, способны возбуждать энергию народа, провоцировать социальные катаклизмы» [Ильин, 1992: 38, 43].

В предыдущих работах мною было показано, что концепции «общества всеобщего риска», «средового (контекстуального) подхода» и мультивариантной динамики «актор—среда его обитания» методологически являются вариантами интегралистского подхода [Яницкий, 1994]. Замечу, что эти и многие другие варианты данного подхода к анализу социальных явлений являются ценностно-нейтральными. Сегодня этот подход в равной мере применим к анализу как динамично развивающихся, так и стагнирующих и деградирующих обществ. Рамки одной статьи не позволяют развернуть названные выше принципы детально, поэтому ограничусь их приложением к анализу лишь одного коллективного субъекта действия.

Историческая ретроспектива

Почему для понимания современных реалий социальной динамики важно изучение эволюции профессиональных гражданских организаций (ПГО), а внутри них – Движения дружин охраны природы (далее ДОП движения)? *Во-первых*, эти организации и движения существуют уже более 50-ти лет, что даёт возможность рассмотрения синергетики их составляющих (разума, чувств и интуиции) в разных социальных группах и контекстах. *Во-вторых*, потому, что ДОП движение – это полупрофессиональное общественное движение, соединяющее знания и действие, научный подход и интуицию, рациональную цель и чувство ответственности за состояние природы. В современных условиях никакая инновация или общественная инициатива не может существовать и развиваться без опоры на «триаду», обозначенную Сорокиным. *В-третьих*, это студенческое движение служило важнейшей формой социализации особенно для тех, кто впервые оказался в среде большого города. Но эти молодые люди не были пассивными адаптантами. Они вносили в движение знания-чувства о разнообразии российской природы, обычаях и укладах жизни в далёкой от больших городов российской провинции. *В-четвёртых*, ДОП движение было не только разновозрастным, но и соединяло в себе – в ходе познания и действия – «зелёную» молодёжь и высоко квалифицированных учёных и педагогов, умудрённых опытом прошлого. И те, и другие получали от этого взаимодействия новый опыт и моральное удовлетворение. *В-пятых*, благодаря существующему механизму учебно-воспитательного процесса в вузе в течение нескольких десятков лет сохранялась преемственность в целях и действиях этого движения и, одновременно, происходил процесс его эволюции, накопления и отдачи накопленного потенциала знаний, действий и их эмоционально-этической мотивации. Да, передавались из поколения в поколение не только знания и навыки, но и непривычное соединение личной свободы и ответственности, интереса и чувства риска. *В-шестых*, что чрезвычайно важно методически, благодаря притоку молодёжи из самых разных мест СССР/России и существованию ячеек движения на местах совершался периодический обмен между «верхом» и «низом», то есть между знаниями-действиями, которые производило академическое сообщество, и локальными (локально обусловленными) источниками этого знания-действия.

Отсюда следует, *в-седьмых*, что осуществлялся непрерывный междисциплинарный и межсекторальный обмен, что, в свою очередь, создавало сети межорганизационной и межгрупповой солидарности, столь редкие и тогда, и сейчас. Этот процесс можно интерпретиро-

вать иначе: в ходе развития экологического движения и его сетей формировался «метаболический» взгляд на мир. Причём он не навязывался сверху, а вытекал из самого процесса взаимодействия ДОП-организаций с другими социальными субъектами разного уровня: властью, бизнесом, силовыми структурами, разного рода НИИ и вузами, другими гражданскими организациями и т. д. В-восьмых, более чем 50-летний опыт существования ПГО и ДОП движения позволяет заключить, что совокупность этих организаций формировала у её лидеров и активистов экологический, то есть интегральный (системный, комплексный), а не утилитарный взгляд на мир. Активисты в своей массе были альтруистами, так как на первом месте у них было общее благо. В-девятых, в этих многоуровневых и многосторонних контактах формировался особый тип личности активиста: ориентированный на приобретение знаний, на их ежедневную апробацию практикой собственной деятельности, на самостоятельное принятие решений. Наконец, эти организации и движения – специфическая сетевая форма создания и хранения социальной памяти общества, понимаемой здесь опять же не только как «сумма знаний», но как синергетизм знания и действия, рационального и эмоционального, доверия к старшим и ощущения активистов этого движения как особого братства единомышленников.

Актуальность опыта движения сегодня

Как это ни покажется странным, именно в наш «критический век» на фоне борьбы гигантов за мировое политическое и экономическое господство значение малых мобильных групп, вооружённых *практическим знанием-действием*, возрастает. Но одновременно растёт и разрыв между наукой и практикой, а, следовательно, между наукой и политикой. Как отмечает известный российский экономист и финансист О. Вьюгин, современным выпускникам даже из престижных вузов США приходится выбирать между карьерой учёного и профессией менеджера. То же происходит и у нас. Опережающее развитие политики по сравнению с экономикой нарастает. Однако, в конечном счёте, и экономика, и само общество от этого жестоко страдают [Вьюгин, 2015]. Если продолжить эту мысль на область социальной политики, то проявится ещё один критический разрыв: между достижениями науки и их практической реализацией.

Смотрите сами: все великие открытия прошедших 50-ти лет реализовались на практике (в виде методов медицинской диагностики, производства новых лекарств, схем организации неотложной помощи) как минимум через 10–15, а то и 20 лет. Это легко увидеть по тому разрыву, который имеет место между великими научными открытиями в биологии и медицине и их практической реализацией. Причина этого временного лага давно известна: «одно лечит – другое калечит». Отсюда и столь долгие сроки между очередной победой над некоторым возбудителем страшной болезни *in vitro* и созданием лекарства с минимальными

последствиями для больного. Но, как выясняется, сегодня это — бесконечная гонка. Потому что и всякий вирус постепенно адаптируется к антибиотикам, и сама среда порождает всё новые болезни и инфекции. То есть, в итоге, в борьбе с внешними и внутренними угрозами практикуется старый метод проб и ошибок. Причём «средовые риски» именно вследствие невидимых глазу процессов социально-экологического метаболизма [Яницкий, 2013] чаще всего плохо предсказуемы. Поэтому экономическое и социальное значение состояния непосредственной среды обитания людей возрастает. Уже много лет говорится о развитии малого бизнеса, но воз и ныне там. Но почему только малого бизнеса? Разве события прошедшего года на Донбассе не показали, что гуманитарная помощь эффективна только в том случае, когда она подкрепляется сетью мелких профессионально подготовленных мобильных групп на местах — иначе её большая часть не дошла бы до страждущего населения или была бы просто разворована? Более того, разве уже не ясно, что наступление ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) по широкому фронту ведётся не только на Ближнем Востоке, но и малыми мобильными группами по всей Европе? Вот почему опыт самых разных мобильных гражданских групп и, в первую очередь, движения ДОП, показавшего за полвека свою практическую эффективность, должен быть осмыслен и практически использован. Наконец, как подчеркивают военные теоретики и аналитики, существующая система гражданской обороны должна быть не только полностью оснащена, но и организована именно по территориальному принципу. Поэтому у всех современных социальных проблем есть, как минимум, три главных аспекта: макросоциальный, мезосоциальный, микросоциальный. А также — специфический «средовой», поскольку среда обитания стала сегодня полноправным «действующим лицом» в производстве рисков и опасностей для мирного населения. Поэтому малые мобильные группы граждан — суть важные субъекты территориальной безопасности.

Институциональная реализация

На макроуровне, то есть на глобальном и континентальном уровнях, активистам ПГО не удалось добиться «прорыва». В рассматриваемый нами период экологическое движение не стало глобальным, ему не удалось реализовать интегральный подход к экономике и политике. Начиная с серии докладов Римскому Клубу 1970-х гг., затем появления идеи «устойчивого развития» [Brundtland and Khalid, 1987] и вплоть до недавнего времени мировое экологическое движение не

стало повседневной практикой и, тем более, не было институционализировано. Недавно вышедшая монография «Environmental Movement around the World» и Доклад Международного союза социальных наук на ту же тему – лучшие тому подтверждения. Максимум, чего удалось достичь лидерам национальных ПГО – так это их участия в серии международных конференций по проблемам окружающей среды, начиная со Стокгольмской конференции 1992 г. и до последней Рио+10 в 2012 г. Отдельные активисты из стран ЕС вошли в состав парламентских зелёных партий, но они нигде не «делают погоды». В нашей стране некоторые лидеры экологического движения стали членами партии «Яблоко», которая, однако, не стала парламентской и постепенно теряет свой политический вес. Эта де-экологизация глобального политического процесса вполне закономерна на фоне следующих один за другим мировых экономических кризисов и роста международной напряжённости.

Чего действительно удалось достичь лидерам ПГО, так это институционализации экологической проблематики в виде создания ряда международных научных и научно-популярных журналов, а также в форме множества комиссий и комитетов в международных и европейских организациях и, прежде всего, в Международной и Европейской социологических ассоциациях. Но это была, скорее, заслуга политиков и экспертов, нежели самих «зелёных». Характерно, что этот разрыв между политикой и наукой в последнее десятилетие всё увеличивался, но правящие элиты международных и национальных организаций на это не обращают внимание. К тому же, экономическим гигантам было выгодно отчислять некую толику прибыли на поддержку этих форм публичной политики, поскольку, тем самым, они демонстрировали свою «экологическую озабоченность». Этот уровень я рассматриваю как связующий (переходный) между мезо- и микроуровнями. Более того, в годы тоталитаризма помимо официальных «приводных ремней» политики ВКП(б) (профсоюзы, ОСОВИАХИМ) существовало множество временных и постоянных общественных советов и комиссий в наркоматах и других государственных организациях – без них советское государство не могло бы существовать. Даже с началом Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) число этих «временных» органов резко возросло: надо было в короткий срок переводить жизнь всего государства на военные рельсы, следовательно, нужны были гибкие рычаги управления. В период с середины 1930-х и до 1950-х гг. в СССР было создано и развивалось множество ПГО-движений (рационализаторов, изобретателей), профессиональных организаций лиц творческих и так называемых свободных профессий (архитекторов, художников, писателей, кинематографистов). Замечу, что многие инициативы уже перестроечного времени тоже носили полупрофессиональный характер (центры научно-технического творчества молодёжи, молодёжные жилые комплексы).

Что касается микроуровня, то здесь картина была прямо противоположной. Начиная со второй половины 1960-х гг., а в США и Европе ещё раньше, наблюдается стабильный рост количества и разнообразия экологических ПГО и других

общественных организаций. Тот же процесс происходил и в СССР/России. Мировая и российская история XX и XXI веков свидетельствуют, что все социальные перемены в общественном устройстве начинались снизу, с деятельности малых инициативных групп и экологическое движение здесь не исключение. Сегодня в условиях экономического кризиса низовые общественные инициативы остаются также ограниченными в своих финансовых и правовых возможностях: основные финансовые и правовые ресурсы направляются на поддержание российской экономики и выполнение социальных обязательств государства.

Характеристики типа личности экоактивиста

Назову лишь их некоторые *общие черты*. Активистам присуща «альтруистическая модель» взаимодействия с обществом, им нужны те знания и ноу-хау, которые необходимы для поддержания социоприродных экосистем. Поэтому активисты предпочитают познавать их изнутри. Как сказала одна активистка, «я себя хорошо чувствую, когда я внутри <изучаемой> экосистемы». Местное население — вообще один из самых ценных источников информации, потому что оно с разных сторон может на это посмотреть, на их собственные проблемы» (из интервью, архив автора).

В отличие от чиновничества (в широком смысле), которое, как правило, транслирует информацию «вниз», экоактивисты должны обучаться в двуедином процессе общения. Поэтому они, взаимодействуя с академическим сообществом, параллельно проводят «обучающие семинары по работе с населением, формированию экологически активного отношения и т. п. На этих семинарах обсуждается структура власти, её механизмы (как отслеживать проблему, куда обращаться, как написать тот или иной документ, как по шагам отследить решение проблемы). «Мы проводим такие мероприятия не только для активистов. Были семинары для редакторов газет, для библиотекарей. При этом мы стараемся на эти мероприятия максимально привлекать специалистов — юристов, биологов, химиков, экономистов и т. д. Мы и сейчас по возможности даём консультации всем желающим». Поэтому, продолжала она, «я *постоянно осваиваю новые области знания*. Сейчас, например, это азы электротехники, чтобы иметь возможность задавать вопросы и хотя бы минимально понимать специалистов-энергетиков при обсуждении проблем использования альтернативных источников энергии. Много приходится заниматься самообразованием, потому что специалисты, как правило, корпоративно связаны. ...

Я постоянно осваиваю какую-то новую область знания, но если выделять ведущее, то, наверное, хотела бы повысить свою квалификацию по экономике» (из интервью, архив автора). Иными словами, то знание, которое для капиталиста и чиновника добывает армия наёмных профессионалов, экоактивисту приходится искать и конструировать *самому*.

С кем они общаются, взаимодействуют? Экоактивисты, как правило, работают в среде местной интеллигенции из городов и посёлков средней и малой величины (учителя, врачи, библиотекари, экономисты, юристы, работники сферы культуры). Особое место среди них занимают старожилы, в первую очередь интеллигенция из среды малых коренных народов. Экоактивисты должны учитывать ухудшение социально-экономической ситуации, вызванное кризисом, ростом стоимости жизни, цен на жильё, безработицей, увеличением расходов на здравоохранение. Однако главной задачей активистов остаётся, как и 50 лет назад, *практически-ориентированное* экологическое просвещение. То есть то, которое реально помогает людям в поисках работы, образовании детей и молодёжи, облегчает жизнь бедным и немощным. При этом активисты должны учитывать продолжающееся сужение коридора социальных возможностей, прежде всего, в результате фактической отмены общественных слушаний и экспертиз, раздробленности местных общественных организаций. Активисты всё время должны прилагать усилия по консолидации местных общественных сил.

Ещё важный момент: *«локальное просвещение»*. Так как деятельность компаний-монополистов сопровождается мощной пропагандистской кампанией, то активистам всё время приходится разъяснять населению, как ситуация обстоит на самом деле. Например, что проведение транснационального газопровода через конкретный район и газоснабжение его населения — это далеко не одно и то же. Что «Книга предложений и замечаний», выложенная ТНК в библиотеке каждого райцентра, не есть форма для голосования за или против него. То есть активистам приходится заниматься политико-экономическим ликбезом, связанным к данному месту.

Их взгляд на экономику. Местный чиновник главным образом занимается распределением бюджетных потоков, не забывая при этом наращивать свой финансовый или политический капитал. А активист стремится развивать, модернизировать местное производство, мобилизуя местные же ресурсы: «Я на деле стараюсь демонстрировать возможности экологически безопасного ведения хозяйственной деятельности. Например, рассказывать об альтернативной энергетике, демонстрировать, что, в частности, туристическая база может обеспечить себя теплом и светом за счёт нетрадиционных источников энергии, причём даже в суровых сибирских условиях. У нас этот опыт уже есть. Или показать возможности использования местных ресурсов для создания уникальных производств, скажем, национального промысла с грамотно поставленным маркетингом, мониторингом товаров на рынке и т. д. Ресурсов много и для самых разных отраслей экономики — пищевая, лёгкая промышленности, туризм, санаторно-курортный

бизнес. Проблема, как всегда, в том, какие отрасли местная власть поддерживает, на какие не обращает внимания, а каким ставит палки в колёса» (из интервью, архив автора).

Взаимоотношение с научным сообществом. Для чиновника главным являются руководящие инструкции, спускаемые сверху или производимые по его заказу ангажированными организациями. Чиновничество – типичное корпоративное сообщество с ограниченным кругом общения. Для активиста научное знание и ноу-хау суть главные ресурсы его деятельности. К тому же, благодаря активной жизненной позиции и включённости в практику, уровень научной обоснованности решений активистов постоянно растёт. Вот характерное мнение: «В общем, я даже не знаю, где больше сейчас учат нужным нам исследованиям: на биофаке или же в процессе работы в природоохранных организациях. Потому что на биофаке учат, что ...конечная точка – это статья, диплом, диссертация. А в процессе работы в природоохранных организациях приходится ещё очень многое делать дальше – то есть работать не только с полученными данными, но и с людьми, с властью» (из интервью, архив автора).

Тип культуры. Парадоксально, но вездесущие эоактивисты на поверку оказываются куда более «укоренёнными», нежели администрация на местах, где идёт их перманентная ротация, вследствие чего пришлые на места чиновники не заинтересованы ни в каких перспективных планах или дискуссиях. Назначенцам местная жизнь вообще не интересна! Это настоящие временщики. Поэтому местное чиновничество вкупе со обслуживающими их экспертами являются препятствием, в *отношении к культуре* местных народов позиции экологов и местного чиновничества также различны. Экологи считают, что сохранение культуры малых народов возможно только «как её сохранение через включение» в мировую культуру. Иначе она в лучшем случае превратится в «этнографический знак», в худшем – исчезнет совсем. Поэтому, полагают они, необходимо знакомиться с мировоззрением малых народов, сохранять уклад жизни и связанные с ним ландшафты. Уважение к святыням других народов – признак культуры. А чиновник мыслит строкой бюджета на их поддержание, да при этом ещё и себя не забывает.

Отношение к другим людям вообще хорошо видно на примере отношения к земельной собственности. Для чиновника угодя – это прежде всего «активы», которые можно скупить, выгодно продать, сдать в аренду – дальнейшая судьба бывших работников совхоза его не интересует. Активисты же считают эту проблему своей, потому что земля – это среда и источник жизни людей. Дело в том, что при смене формы собственности (разделения на паи) межевания не

сделали. На земли, где предполагается, скажем, прокладка газопроводов, нет генплана, не определены границы земельных участков (паёв), не проведена оценка этих земель, законодательно не закреплены их собственники. Поэтому при подаче документов на компенсацию за отчуждаемые земли владельцу пая ещё предстоит доказать, что этот участок именно его. То же самое происходит и в крупных городах, где не определены границы придомовых участков. В периоды электоральных кампаний местные власти чаще всего «кормят» население обещанием перемен к лучшему. Люди действительно хотят хоть каких-то изменений, поскольку жить по-прежнему уже не вмогут. При этом какая-то ТНК обещает «улучшить жизнь», а местная администрация эту иллюзию поддерживает. Но вот наступил кризис, ТНК свой проект (газификации или др.) замораживает, людей увольняет, а местная администрация продолжает отстаивать свои интересы. Поэтому для активистов задача остаётся прежней: борьба вместе с местным населением за их базовое конституционное право на экологически благоприятную среду. Ещё до начала финансового кризиса местные лидеры возглавили борьбу против отчуждения пригородных лесов и других участков природы, отводимых для реализации инженерных мега-проектов. Сегодня местные активисты вынуждены включаться в борьбу за социальные права граждан: против увольнений, сокращения зарплат и рабочего дня, продолжение кредитования «физических лиц» и т. п.

Наконец, *о чисто человеческих контактах*. Местное и, тем более, региональное чиновничество любыми способами избегает прямых контактов с населением. Его «право знать» или, хотя бы, право на прямой разговор, попираются ежедневно. Из уст местных чиновников извергается масса неточностей, полная информация скрывается и т. д. Создаётся стойкое впечатление, что для чиновников лучше бы этого населения было как можно меньше. Это понятно, потому что для чиновника ведомственная информация — это его властный капитал.

А активист, напротив, стремится просветить и научить, поэтому прямое общение с рядовыми гражданами для него необходимость. Вот что говорит экоактивист, едущий домой на побывку: «мой поезд после последней пересадки идёт 4 часа, я в нём пассажирам публичную лекцию читаю. Люди очень интересуются, когда им рассказываешь, например, о том, что рубить тонкомерную древесину экономически невыгодно для района, и когда это им объясняешь как бы на пальцах, то они очень проникаются. Я в поезде очень много с местными общаюсь. Потому что вот эти разговоры там постоянные, интересны им и нужны мне...» (из интервью, архив автора). Но в жизни российской глубинки есть другая сторона: связь с «миром», настоящим и прошлым, «уважение к отеческим гробам». «Я не хочу, чтобы обо мне говорили плохо земляки, не хочу быть хуже моих предков. Почему, собственно говоря, история моей малой родины должна быть менее значимой, чем история государства российского?» (из интервью, архив автора).

ПГО как производители социальной памяти общества

Важной функцией этих организаций и движений является передача от субъекта к субъекту, от поколения к поколению их *социальной памяти* (СП). СП – интегральное понятие, включающее взаимосвязанную и непротиворечивую совокупность ценностных ориентаций, стратегий, тактик и репертуара действий этих индивидуальных и коллективных акторов. В процессе научной и социальной практик социальная память периодически обновляется применительно к новым условиям.

В данном случае социальная память фиксируется не только в человеческих документах (уставных документах, информационных письмах, резолюциях конференций, публикациях), но и в коллективной памяти самих этих акторов. Отличие социальной памяти полупрофессионального движения от других форм её хранения (библиотек, архивов) состоит в том, что социальная память этих акторов сохраняется и *воспроизводится, прежде всего, в ходе социального действия*, равно как и во взаимодействии разных акторов между собой. Специфика социальной памяти экологического движения и его организаций в том, что в течение названных 50 лет происходило накопление социальной памяти этого *сетевого* коллективного субъекта действия.

Конечно, существуют разные уровни социальной памяти подобных организаций и движений: стратегический, тактический и оперативный, т. е. ситуативный, средовой. Но все они зависят от профессиональной и гражданской активности этих акторов. Подобная социальная память есть важнейший канал обмена знаниями и опытом между наукой и социальной практикой, их разными направлениями и формами. И, одновременно, способ отбора релевантных знаний и опыта и передачи их «вперёд». В своё время К. Маркс назвал процесс «восхождения от абстрактного к конкретному» важнейшей характеристикой процесса социального познания. Однако многолетний опыт наблюдения за деятельностью российских ПГО показывает, что не менее важным является и обратный процесс: между названными уровнями (сферами) производства и хранения социальной памяти идёт процесс восхождения от конкретного к абстрактному. Процесс этот идёт трудно, но он идёт.

Такой социальный отбор не означает, что локальный опыт обязательно теряется. Происходит более сложный процесс «глокализации локального знания», выработанного ПГО, то есть процесс поглощения локальным знанием/опытом импульсов, исходящих от глобальных

импульсов. Причём, подчеркну, что эти импульсы могут полностью или частично ассимилироваться локальным знанием, но могут также и отвергаться, «гаситься». К сожалению, сегодня местные социальные практики в России всё более формируются «сверху» посредством постановлений, временных положений и ведомственных инструкций. Это очень опасный процесс, грозящий не только разрушением местных инициатив, но и утерей социальной идентичности местных сообществ. А, значит, — и разнообразия местных культур, частью которых сегодня становятся именно результаты деятельности ПГО. Более того, как показала новейшая история СССР/России, баланс между национальным интересом, с одной стороны, и «местной спецификой» — с другой — устанавливается не декретами, а именно в ходе практической деятельности. Нельзя противопоставлять и, тем более, подчинять местную политику (по терминологии У. Бека, «неполитическую политику») государственной политике.

Институциональная структура современного общества плохо приспособлена к прямому взаимодействию государственных структур и ПГО. Путь от производства научного знания к практике очень долог. Если взять только сферу охраны природы, то на этом пути есть множество промежуточных ступеней (и барьеров тоже): государственные комиссии и экспертные советы, многочисленные заключения и контр заключения «инстанций», опросы общественного мнения и т. д. Весь этот долгий и тяжёлый процесс опосредуется политическими интересами многочисленных групп влияния. Поэтому сегодня, в период кризиса, когда нужны быстрые и эффективные пути его преодоления, государство практикует более короткий путь: научные исследования и разработки происходят непосредственно в НИИ и вузах с участием студентов и аспирантов. Практика прямого взаимодействия академического сообщества и студентов и аспирантов возрождается.

В обмене между госструктурами и ПГО важную роль играет *личный фактор*, о котором уже давно говорили В. Вернадский, П. Сорокин и другие выдающиеся русские учёные. В течение многих лет лидеры и участники российского экологического движения то дистанцировались от государства, то шли работать в госструктуры, ведомственные, образовательные и научные. Много лет назад известный науковед Е. Мирская написала, что лучшим контейнером для переноса информации является сам учёный. Такая «пульсация» социально-информационного процесса — норма социальной динамики. Сегодня, прежде всего, важно не столько возрождение научных школ — этот процесс требует слишком много времени, а создание мобильных инновационных сред производства и распространения социальной памяти, коими и являются малые «практикующие» научные и университетские сообщества, состоящие из авторитетного научного лидера и заинтересованных молодых специалистов.

Не менее важен и другой метод — краудсорсинг (crowdsourcing), когда авторитетный учёный обращается к рядовым гражданам страны и даже всего мира с просьбой помочь ему найти артефакты, подтверждающие или опровергающие его гипотезу. Это — уже форма прямого контакта людей науки и гражданского

общества. Наконец, велика роль в исследуемом взаимодействии краеведов, то есть местных граждан, которые благодаря своему интересу и настойчивости стали настоящими исследователями и производителями социальной памяти. Во все времена краеведы – важнейшие искатели и хранители национальной памяти и традиций.

Студенческое природоохранное движение и причины его упадка

Исторически важную роль в производстве и накоплении рассматриваемого типа социальной памяти сыграло развитие различных форм коллективности. Студенческое природоохранное движение создавалось на основе кружков по интересам при научных учреждениях, музеях, зоопарках, домах пионеров и других, принятых в советское время формах общественной работы. Затем, когда сформировались студенческие дружины охраны природы (ДОПы) в МГУ и в других вузах, уже внутри них стали возникать программы «Выстрел», «Флора», «Фауна» «Борьба с браконьерством» и другие. Затем, с развитием этого студенческого движения стали формироваться междружинные программы. Одновременно внутри этого движения происходила дифференциация и ротация: возникли и периодически обновлялись их руководящие органы (штабы), налаживалось взаимодействие с академическим сообществом, с одной стороны, и партийными и комсомольскими организациями, с другой. Когда во время перестройки (1988 г.) бывшими лидерами ДОП движения был создан Социально-экологический союз (СоЭС), эти сети ещё более расширились и диверсифицировались, потому что в СоЭС пришли множество гражданских активистов с мест. В те времена общественные экологические организации проводили многочисленные дискуссии, готовили проекты Экологической доктрины РФ. Ещё позже был создан Круглый стол общественных экологических организаций. К сожалению, с начала 2000-х гг. растущий дефицит финансовых ресурсов и появление в России филиалов международных экологических организаций (Гринпис-Россия, Всемирный фонд защиты дикой природы) привёл к концентрации усилий экоактивистов на выполнении тех или иных *проектов* и, тем самым, процесс формирования данной формы социальной памяти замедлился и тематически сузился. Местные группы продолжали работать на голом энтузиазме.

Не парадокс ли: природа нас кормит, поит, одевает, стимулирует нашу производственную, исследовательскую и образовательную деятельность, наконец, снабжает нас материалами для создания но-

вейших IT технологий, а мы вспоминаем о ней один раз в году, в День защиты природы? Право каждого человека на здоровую и безопасную среду обитания гарантировано Конституцией РФ, но оно в достаточной мере не обеспечено ни необходимыми ресурсами, ни институционально. Однако причины упадка в мире экологического активизма много глубже: они коренятся в новом этапе борьбы за передел мира и его ресурсов, за геополитическое господство, в борьбе за преодоление кричащего разрыва между богатыми и бедными странами. Чему, в частности, были посвящены недавние конференции ISA и ESA.

Вот совокупность причин, которые в течение 2000-х гг. способствовали затуханию деятельности ПГО и экологических движений РФ. Во-первых, это — закономерное следствие форсированного внедрения в стране капиталистического способа производства, с присущими ему потребительской идеологией, карьеризмом, культом денег и успеха. Сегодня добровольческая деятельность ПГО обременена также экономическим кризисом. Культ «успеха и достатка», пропагандируемый СМИ, постепенно вытесняет идеи борьбы за общее благо, подавляет гражданские амбиции социально активных молодых людей. Негласно существующая система оценки «успеха и престижа» молодых специалистов ориентирована на соответствие их деятельности международным (читай — англо-саксонским) стандартам, то есть на публикацию в международных журналах, участие в международных конференциях и т. п. Это — нормально, если только эта космополитическая ориентация не превалирует над национальными интересами. Во-вторых, это коммерциализация природоохранной деятельности и, следовательно, отток из неё студентов и аспирантов, вынужденных, прежде всего, заботиться о хлебе насущном. Естественно, что наступивший экономический кризис лишь усугубил эту тенденцию, особенно в малых и средних городах. В-третьих, это огосударствление природоохранной деятельности ПГО посредством передачи их финансирования в руки общереспубликанской, региональных и городских общественных палат, создаваемых из «проверенных» активистов; практическая невозможность получения зарубежных грантов; возрастание числа квази-гражданских общественных организаций, находящихся под строгим государственным контролем (Русское географическое общество). В-четвёртых, это целенаправленные усилия государства по созданию массового корпуса волонтерских организаций, находящихся под государственным контролем и не предполагающих самостоятельной постановки и реализации исследовательских и практических задач. Вследствие этого, важнейшая компонента деятельности экологического движения прошлой эпохи была утеряна. В-пятых, и это очень важная причина, — отсутствие в СМИ и, прежде всего, на телевидении позитивной информации о деятельности ПГО. СМИ «вспоминают» о них только в двух случаях: когда факт их гражданского действия уже стал достоянием мировой общественности (пример, помощь раненым детям Донбасса, оказанная фондом Доктора Лизы) и когда силы МЧС не справляются с очередным стихийным бедствием. В-шестых, что я испытал на собственном

опыте изучения стихийных бедствий, это незаинтересованность научных фондов в привлечении местных активистов к работе над исследовательскими проектами. Иными словами, теоретически эти фонды выступают за междисциплинарность, но участие местных активистов обставлено такой кучей условий, что проще бывает заплатить им из собственного кармана.

Опасность утери коллективной социальной памяти названных ПГО и движений в том, что они очень редко были озабочены созданием своих библиотек, архивов и других способов хранения оперативной информации как об их собственной деятельности, так и о среде, в которой эта деятельность происходила. Хотя за прошедшие полвека ПГО была наработана масса методик помощи местному населению и его окружающей среде, которые смело можно назвать социальными методиками (в современной медицине они именуются протоколами). Собственно говоря, оперативная информация в работе ПГО всегда преобладала и не было времени и ресурсов для её накопления, хранения, кодификации. Кроме того, идеологией этого полупрофессионального движения всегда было конкретное дело. Значит, оперативная информация, как правило, преобладала над духовной, над сомнением и рефлексией. Сегодня, когда движение в упадке, задача не только его бывших лидеров, но и историков и социологов, сохранить бесценный опыт этого движения для будущих поколений.

Выводы

Профессиональные гражданские организации – не промежуточный тип гражданской организации, который в будущем будет заменён более «зрелым», совершенным. Как показывает новейшая история, эти организации сегодня всё более характерны для стремительно развивающихся обществ. С каждым годом ПГО становятся всё более эффективными ячейками инноваций как технологических, так и экологических и социальных. Их эффективность заключается также и в том, что они соединяют в себе свободу профессионального творчества и лабильность, гибкость гражданских инициатив.

Такое соединение профессионализма, то есть включённости в сферу науки, и «средовой» мобильности, то есть связи с натурным экспериментом, практикой, отвечает запросу современного общества, которое сегодня ещё точно не знает, каким оно станет завтра. «Поисковый» характер ПГО, их обучаемость, способность быстро переключаться и приспосабливаться к изменившимся условиям – их отличительные признаки.

Этот же набор черт эффективен с точки зрения общегражданской подготовки на случай войны. Надо смотреть правде в лицо: малые войны на территории бывшего СССР и в сопредельных государствах идут уже без малого 30 лет, и пока нет никаких оснований для ослабления международной напряжённости. Опыт нашей страны убедительно показал, что «бывалые», многознающие, многорукие и ответственные люди эффективны в мирное и военное время. Те, кто овладел хотя бы азами социального знания, науки о природных процессах, могут ориентироваться на местности, знают, как использовать её свойства, рельеф и т. д. для защиты себя и мирных граждан, — всегда на шаг впереди.

Сети ПГО — производители и носители оперативной, то есть ситуативной, многосторонней, «средовой», информации, которая так необходима в современных быстро меняющихся условиях. Но эта оперативность, сиюминутность имеет серьёзный недостаток: информация рассеивается, не сохраняется в процессе изменения ситуации. Поэтому новая задача для фундаментальных наук состоит в разработке методов сбора и хранения такой информации.

У сетей ПГО есть и более фундаментальная роль: фиксация «мигов», «моментов» социальной истории, которые неизбежно теряются в ходе быстрых национальных и глобальных перемен. Кто ещё два года назад мог предсказать ход событий на Украине? А на Ближнем Востоке? Но, по-видимому, летописец истории ПГО ещё не родился. Другая фундаментальная роль ПГО — это формирование сетей коллективной памяти их членов. Как показала история российского экологического движения (хотя оно сегодня в упадке), большинство его бывших членов стало учёными, преподавателями, практиками охраны природы. Да, вследствие дефицита времени и ресурсов они мало общаются, но, тем не менее, они — хранители столь актуальной сегодня памяти-в-действии, знаний и эмоций.

Историков и теоретиков социальных движений всегда больше интересовал их «результат»: изменился ли социальный порядок, какие новые партии и другие политические структуры возникли и т. д. Однако не менее важно, какие люди, личности производятся этими ПГО и движениями, кем они потом становятся? Напомню факт российской истории: многие бывшие народники стали потом школьными учителями, статистиками, активистами земского движения. А вот факты недавнего времени: бывшие лидеры ДОП МГУ сегодня просвещают и воспитывают новое поколение школьников и студентов. Рискну утверждать: специфика деятельности лидеров ПГО формирует целостный тип личности. Это не значит, что в нём нет недостатков. Это значит, что эти недостатки суть моменты процесса формирования этой целостности.

Особенно важны следующие моменты в воспитательной роли ПГО: обмен знаниями и практиками между членами коллектива, соединение личной свободы и коллективной ответственности, передача знаний от старших к младшим, обучение в процессе самодействия и, наконец, — выработка экологического, то есть целостного, интегрального взгляда на мир. То есть не «предметного» (по отдельным дисциплинам и направлениям), а именно «проблемного» взгляда на него.

Список литературы

Вьюгин О. Особое мнение. [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы. Эфир 21.02.2015. URL: <http://echo.msk.ru/programs/korzun/1496454-echo/q.html> (дата обращения: 20.05.2015).

Ильин В. В. Обществознание: каким ему быть? // Социологические исследования. 1992. С. 37–43.

Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. – 224 с.

Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М. Изд-во «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2012. – 306 с.

Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. С. 134–139.

Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS. 2003. – 684 с.

Яницкий О. Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 70–83.

Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН. 1996. – 216 с.

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 1992.

Beck U. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999.

Brundtland G. and Khalid M., eds. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, N.Y: Oxford University Press. 1987.

Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Willy-Blackwell, 2010.

Professional Civic Organizations: a History of Integrative Interpretation

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Head of the Department, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. We have studied the main traits and evolution of civil society organizations (CSOs) during the transitional period (from 1960 to 2012), based on many years' observation of the evolution of civil society organizations, and in particular, the development trends of the

environmentalist movement among Soviet/Russian students, which gave rise to several organizations and networks. We have based our research on Pitirim Sorokin's sociological and philosophical "integral" concept and his basic triad (feelings, mind, intuition), as well as on the post-classical works of Russian sociologists, and studied the aforementioned environmentalist movement on three levels: individual, collective, and institutional. The article touches upon a number of key topics, such as: the theoretical and methodological background of our research; the principles of modern sociology's post-classical approach to studying social movements; the description of cognitive, spiritual, and behavioral aspects of semi-professional citizen organizations and movements, for instance the Druzhinas (i.e. students' non-profit organizations) for Nature Preservation; the reasons behind these movements' achievements and failures on the way towards institutionalization; the psychological portrait of an environmental activist, including his/her inner world, emotions, social circle, and behavior; and finally, the study of CSOs as a specific phenomenon that contributes to the society's communal memory. We conclude that under current conditions, combating the crisis and withstanding any external threats and the associated social and environmental issues requires (both from the theoretical and practical political standpoint) flexible cooperation between macro-entities (national government and its allies) and micro-entities (CSOs: semi-professional, mobile, and well-equipped organizations).

Keywords: Integrative approach, knowledge-action, methodology, mobility, personality, semi-professional civic organizations, social memory, students, Russia.

REFERENCES

- V'yugin O. Osoboe mnenie. [*Special opinion*]. [Elektronnyy resurs] // Radio Ekho Moskvyy. Efir 21.02.2015. URL: <http://echo.msk.ru/programs/korzun/1496454-echo/q.html> (data obrashcheniya: 20.05.2015). (*In Russ.*)
- И'ин В. В. Obshchestvoznaniye: kakim emu byt'? [*Social science: how it be?*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1992. S. 37–43. (*In Russ.*)
- Kravchenko S. A. Riski v nelineynom globolokal'nom sotsiume. [*Risks in the nonlinear globalocal society*]. M.: Ankil, 2009. — 224 s. (*In Russ.*)
- Kravchenko S. A. Stanovleniye slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoy teorii slozhnosti. [*The formation of a complex society to the justification of the humanistic theory of complexity*]. M. Izd-vo «MGIMO-UNIVERSITET», 2012. — 306 s. (*In Russ.*)
- Sorokin P. A. Moya filosofiya — integralizm. [*My philosophy — Integralism*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1992. S. 134–139. (*In Russ.*)
- Sorokin P. A. Golod kak faktor. Vliyaniye goloda na povedeniye lyudey, sotsial'nyuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn'. [*Starvation as a factor. The impact of hunger on people's behavior, social organization and social life*]. M.: Academia & LVS. 2003. — 684 s. (*In Russ.*)
- Yanitskiy O. N. Al'ternativnaya sotsiologiya. [*Alternative sociology*]. *J. Sotsiologicheskyy zhurnal*. 1994. № 1. S. 70–83. (*In Russ.*)
- Yanitskiy O. N. Ekologicheskoye dvizheniye v Rossii. Kriticheskiy analiz. [*The environmental movement in Russia. Stocktaking*]. M.: Institut sotsiologii RAN. 1996. — 216 s. (*In Russ.*)
- Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 1992.
- Beck U. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999.
- Brundtland G. and Khalid M., eds. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, N.Y: Oxford University Press. 1987.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Willy-Blackwell, 2010.